

Из сборника «Зеленые глаза»

Зеленые глаза

Сонет

Зеленые глаза – загадочны и странны,
Как призраки немой, незримой глубины.
Порой в них светятся мистические сны,
Порою грезятся безумные обманы.

Они таинственны, как бледный свет Луны,
Они безжалостны, как волны Океана.
В них чудится мечта неведомой страны,
Где небо зелено, как пальма Индостана.

Зеленые глаза – живые талисманы.
И тот, кто раз познал спокойствие Нирваны,
Кому безволие и мука суждены –
Тот знает, что глаза загадочной волны
Влекут к себе сердца, как вещи туманы,
Рожденные на дне зеленой глубины...

915

* * *

Зажженные светы погаснут в гробницах,
И гордые мысли сотрутся веками.
Зачем же мы верим, что чудо свершится,
Зачем поднимаем великое знамя?
Мы ищем прозрения в книгах поэтов,
Мы жадно читаем великие строки –
Но время сотрет роковые обеты,
В тумане исчезнут певцы и пророки.
Творенья поэта, безумства героя,
Бессмертные факелы вещей исканий
Растопчутся пьяной и грязной толпою,
навсегда исчезнут в бесследном тумане.
Умрут мудрецы и уйдут поколенья,
останутся книги... Проклятые книги!
Далекий потомок улыбкой презренья
Спокойно отметит великие миги.
Зачем же мы ищем нетленного света,
Сметая безумье в певучие нити?
Молчите, пророки, молчите, поэты,
Герои и маги – молчите, молчите!

Май 915

Портрет г-на N

Напудренный, изящный и нескромный,
Ты покорял желанья и сердца,
Когда пронзал своей улыбкой томной
Глухие тени встречного лица.
Накрашенными алыми губами
Ты говорил красивые слова –
И тайны открывались перед нами,
И в смутных снах кружилась голова.
Ты подводил изогнутые брови
Над томным взглядом изумрудных глаз,
И ты горел поэтом в каждом слове,
И в каждом слове – зажигал экстаз.
Порой, склонясь уверенным пробором
Над чьей-то обезумевшей рукой,
Ты говорил, что страсть проходит скоро,
И прибавлял: «Я более не твой».
И прикоснувшись алыми губами
К холодным пальцам трепетной руки,
Ты уходил спокойными шагами
И дома сочинял свои стихи.
Ты их писал на палевой бумаге,
Надушенной лукавым Logéas,
И выводя узорные зигзаги,
Ты как рубины подбирал слова.
Но вдруг – случайно вспомнив чье-то имя,
Ты становился нежным и простым,
Ты забывал, что ты доступен многим,
Как забывал о пудре и духах –
И умирая на ее...
Ты все печали отражал в стихах.
И так всю жизнь тебя слова водили,
Как водят дети мудрого слепца,
И все восторги пред тобой открылись,
Как пред твоей улыбкой все сердца.
А ты играл лукавыми огнями

Проборчатых надушенных волос
И говорил красивыми словами
О том, что «жизнь – безумье тайных грез».
И вышивая золотым узором
Своей мечты ласкающий сонет –
Ты женщин обводил спокойным взором –
И в каждом взоре находил ответ.

Февр. 916

О принцессе Ирис

Кто-то тихий и влюбленный приподнял на миг завесу,
Кто-то ласково шепнул мне: «С неизбежным примиришь...»
Повтори мне, сердце, сказку про лукавую принцессу,
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис!
...Это было... Помнишь, сердце? Это было так недавно...
Кто-то бросил ей сонату, где безумия сплелись.
Но принцесса – беспощадна! Но принцесса – своенравна.
И поэту отказала темнокудрая Ирис.
И принцесса – равнодушна. Беспощадна. Непреклонна.
Он ушел – она молчала. Ах, поэт так ждал... Вернись.
Он любил – она забыла. Неизбежная развязка –
Если хочешь – порыдаешь, если хочешь – улыбнись...
Сердце, сердце – ты рыдаешь? Это сказка, только сказка
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис.

Февраль 916

Избраннику

Валерию Брюсову

Над жадной бездной иступленности,
Над стрелами враждебных глаз
Всплывают отклики влюбленности,
Царит чувствительный экстаз.

Душой уверенной и гибкою
Ты чью-то тайну подстерег,
И с равнодушною улыбкою
Венчаешь доблесть и порок.

Безумно-алыми рубинами
Бросая беспощадный стих,
Ты дышишь сказками старинными
В извивах улиц городских.

Равно прекрасному и злему ты
Сплетаешь радостный венок
И смотришь зорко в злые омуты
Страстей, желаний и тревог.

Ты грезишь смутными намеками,
Но в каждом слове – твой экстаз.
Какими злыми и далекими
Ты видишь нас, ты видишь нас.

Изнежен грезами весенними,
Безумец, гений и мудрец,
Ты равнодушными хотеньями
Бросаешь сердце в бой сердец.

И если песни вдохновеннее
Придумает иной поэт –
Ты будешь помнить все мгновения
Твоих уверенных побед.

И все безумия и нежности
Сплетутся в пламенный венец,
Венчая тайной неизбежности
Тебя – восторженный певец!

Май 916

Жрец Ваала

Сонет

И. Н.

Когда-то в древности я был певцом Ваала –
Вся Вавилония была подвластна мне.
Когда я в храм входил при грохоте кимвала
И тихо исчезал в таинственном окне –
Смущенная толпа безмолвно трепетала,
И даже грозный царь на вороном коне
Испуганно внимал, как я у пьедестала
Молил богов послать могущество стране.
Вокруг торжественно камильницы курили,
И к синеве вздымался фимиам.
И боги грозные к нам милостивы были,
Наш меч повсюду нес позор и смерть врагам.
...С тех пор прошли века. И люди позабыли
Богов страны моей и пышный, гордый храм...

915

Город

Я люблю тебя, о город, царство камня и улыбок,
Ты таишь в своих извилах тонкой страсти острый яд.
Воздух твой – такой влюбленный – вечно пылок, вечно зыбок,
Ты сдавил печаль и горе гнетом каменных громад.
В час урочный, в час вечерний я хожу по тротуару,
Я люблюсь пестрой смесью бесконечных верениц,
Ты зажег в своих витринах бесперывные пожары,
Окна пламя отражают миллиардами зарниц.
А толпа волною бурной заливают переулки
И на улицах широких вечно бьется и кипит.
И шаги прохожих встречных в этот час так странно гулки,
Каждый шаг в себе как будто тайну странную хранит.

Я ищу, и мне навстречу мчатся ласковые взоры,
Извиваются улыбки, словно в танце дикарей.
Гибко воздух рассекают окрыленные моторы,
Ударяя в сумрак ночи взглядом ярких фонарей.
Все прекрасно, все ликует, все сверкает, утопая
В ослепительном сиянье электрических свечей.
И в глазах у встречных женщин блещет дымка золотая –
Эта дымка скажет больше тьмы волнующих речей.
Взоры счастье обещают: «Посмотри, как мы красивы!
Помани – пойдем с тобою. Нашей страстью опьянись».
Их улыбки – так тревожны, так влюблено шаловливы,
В их лице печаль и радость в пляске бешеной слились.
Сколько тут сердец разбитых, робких вздохов, нежных ласок.
Сколько злобы, сколько страсти и капризно-странных сцен!
Сколько ты, волшебный город, сплел лукаво-нежных сказок,
Сколько ты в себе скрываешь водевилей и измен!
Каждый миг – за тайной тайна. Каждый миг – за бездной бездна.
Ты – великий и подменный – все печали победил.
Я люблю тебя, о город, я люблю тебя, железный! –
Смелый, дерзкий и безумный, царство пьяных, диких сил!

914

Курильня опиума

Я. Г-ну

На грязных нарах брошены небрежно
Облезлые персидские ковры.
В стене окно. Стучится полночь нежно,
И видно небо, полночь и обрыв.

Над потолком, игриво прячась в тенях,
Висит фонарь и льет неверный свет
На всех, застывших в темных опьяненьях
Горящим зноем призрачных побед.

Сквозь сон вздыхают пьяные матросы,
Привычно сжав узорчатый чубук.
Горячий хмель тела на камень бросил
И тесно сплел объятья цепких рук.

Скользят минуты в голубом дурмане
И каждый миг – безумней и наглей.
Мальчишка-негр в малиновом тюрбане
Сквозит неслышно в гибкой полумгле.

В отравленной, рассудочной Европе
Я воскрешаю сказочные дни...
Топазной каплей темно рдеет опий
Под углями китайской жаровни.

Из сжатых губ не вырвется ни слова,
Усталый взор скользит в глухом бреду,
И я один по злым путям былого
С мучительной тревогою бреду.

Март 914

Из одесских журналов 1917-1918 годов

Маскарад

Она пляшет в цыганском таборе
И у нее глаза проститутки

Сегодня ночью – мой сплин излечен,
Оркестр, безумствуй, играй, зови!
Рукою потной хватай за плечи
Изнемогающих от любви!
Я буду долго актрисам хлопать,
Касаться дерзко горячих рук –
И в душном зале спустится копоть
Над пьяным смехом моих подруг.

О, эта музыка так похожа
На умирающую любовь!...
Еще безжизненной тлеет кожа.
Еще страшнее оскал зубов...
И груди женщин в лиловом рюше,
Устало пахнущие вином,
Твердят все тише, твердят все глуше
Незабываемо – об одном:
И что все доступны и все продажны,
И зацелованы все давно –
И эта леди с осанкой важной,
И это черное домино.
Огни струятся рекой хрустальной,
Целуя щеки ночных принцесс.
О, как мучительно, как печально
Свою любимую встретить здесь!
Мне страшно, страшно! Мой голос тусклый
Вдруг надломился и задрожал...
И мне не странно, что там – под люстрой
Пьеро ощупывает кинжал.
Театр и кино, № 7, суббота, 11 февраля 1917

Апрель

М-lle К.

Весна любовница пришла незваная,
Сверкнула стрелами невинных глаз,
Слегка наивная, слегка жеманная,
Свернулась кошечкой – и улеглась.

Меня холодного, меня капризного,
Боятся женщины, не любят сны.
Весна улыбкою мне в сердце брызнула,
Целую пальчики моей весны.

Лучи хрустальные певуче-палевы,
Играют в бархате ночных гардин,
Весна-проказница! Ну, как узнали вы,
Ну, как узнали вы, что я один?

Рукою тонкою коснетесь ласково
Прозрачной зелени усталых глаз.
Пусть все растрчено, пусть все истаскано –
Весна воздушная – я верю в вас.

Висков седеющих вы не заметите:
– Не все равно ли вам, моя весна?
Пусть радость скомкана в продажном трепете –
Душа спокойная теперь ясна.

Она не спутает и не обманется –
Такою радостью пронизан стих!
О, смейтесь, милая Весна-жеманница,
Свернувшись кошечкой у ног моих!

Кончаю в золоте мой путь скитальческий:
Какие яркие я вижу сны!
И я признательно целую пальчики,
Целую пальчики моей весны.

Театр и кино, № 11, 18 марта 1917

Баллада без посвящения

Donne-moi la rose – je donnerai ma ballade.

Мальчишка, пьяница, поэт –
Вся жизнь моя – арлекинада.
Влюбляюсь в каждый силуэт,
От каждого пьянею взгляда.
Сильнее смерти, слаще яда
Дурманит кружево стихов;

Кому стихи мои – улада,
– Тому дарю мою любовь!

Любимее любимой – нет.
Очаровательней – не надо.
Рондо, терцина иль сонет
За нежность лучшая награда.
Певуче рушится преграда,
Упруго пламенеет кровь...
Чье сердце этим строкам радо
– Тому дарю мою любовь!

Я знаю клад. На нем запрет –
Он зачарован флейтой ада,
Но все ж не раз в стихах воспет
Влюбленный шорох маскарада.
Любовь, как нежная няяда,
Играет жемчугами слов,
И – кто откроет тайну клада,
– Тому дарю мою любовь!

Посылка

Моя баллада – как лампада,
Она вас выведет на зов –
– Кого поет моя баллада,
– Тому дарю мою любовь!

Театр и кино, № 12, 25 марта 1917

Sonnet d'impression

R. Rosenberg

На сером платье розовая роза
Запахла запахом Régent de France.
Старинный и мечтательный романс
О девушке, чье имя – Долороза.

Темно. У вас изысканная поза.
У вас лицо – как розовый фаянс.
Сгущается неуловимый транс,
Дыша духами душного наркоза.

О, вечер кружевных очарований!
Во мраке смех наивней и желанней,
Рука доверчивей лежит в руке.

И я храню цветок воспоминаний
И думаю о вашем талисмানে –
О шелковом душистом лепестке.

Театр и кино, № 15, 15 апреля 1917

Еретик

Посв. Р. Розенберг

Семь наук с отменным прилежаньем
Изучив в аббатстве до конца,
Был и я благословлен собраньем
На высокий подвиг мудреца.

Снаряженный приором в дорогу,
Я припал с мольбой к его рукам
И поклялся в вечной службе Богу
И в святой вражде к еретикам.

Став студентом славной Саламанки,
Я вникал в ученье мудрецов,
Презируя пестрые приманки,
Привлекательные для глупцов.

Я читал и слеп от книжной пыли,
И тогда высокий факультет
Предложил мне кафедру в Севилье
И вручил магистерский берет.

Я читал легко и благосклонно
Пред толпой веселых школяров,
Тонко имитируя Платона
На священном языке богов.

Стал мне близок мудрый Аверроэс
И спокойствие ученых книг,
Но однажды, в рукописях роясь,
Я прозрел внезапно и постиг...

И тогда огнем неожиданно резким
Был я просветлен от мудрецов
И отважился с сомнением дерзким
Подойти к делам святых отцов.

Я отверг Триаду дерзновенно,
Господу Единому служа,
И лиценциаты вдохновенно
Раздували пламя мятежа.

Был я проклят папою и Римом,
Но святой огонь грядущих дней
Вспыхнул пламенем необоримым
На священной мантии моей.

Южный огонек, № 1, 8 (21) апреля 1918

Светлое воскресенье

Глухая ночь все мертвенней и гуще;
Мне бок пронзило острое копье
Но ты не страшен, мудро стерегущий
Святое Воскресение мое.

Колокола над сонною долиной
Поют всю ночь. И я один в гробу.

Уже давно Мария с Магдалиной
До слез оплакали мою судьбу.

Я слышу крики радости и песни –
Но это – ложь. И ты напрасно ждешь.
И если люди скажут Мне – Воскреси!
Воскресну Я – и ты падешь.

Южный огонек, 9 (22) апреля 1918, пасхальный номер

Сирены

Nemo postquam sirenas viserit de feminis mortalibus putabit
Theophilus Campaniensis Errata

Кто слышал томный глас Сирены,
Тот не прельстится песней жен.
И я, поникший и смиренный,
Неведомым заворожен.
О тени сладостные, где вы?
Я говорю мечте: зови!
Меня страшат земные девы
И яд испытанной любви.

О, если б мог вернуть опять я
Былые громкие дела!
А здесь – неищущие объятья
И утолимые тела.

И те ж не жаждущие груди,
И стрелы не томящих глаз.
И тщетно я молю о чуде,
И к небесам подъямлю глас.

И тщетно руки я в смущеньи
Подъямлю на закате дня,

Моля богов о возвращеньи
Похищенного у меня.

Скользят спокойные созвездья,
Верша суровую судьбу.
И слышу горестную весть я,
Ответствующую рабу:

Что край палящего циклона
Удел богов, а не рабов,
Что воля Мудрых – непреклонна,
И смертным – смертная любовь.

Южный огонек, № 3, 6 (19) мая 1918

Spleen

Как медленный дракон, глухая ночь ползет,
Чтоб горло перегрызть не верующим в чудо.
Какая новая жестокая причуда
Опять обрушится на жалкий небосвод?
Слепая муть лежит на дне зеленых глаз,
И губы бледные прокушены до боли,
И близится конец. И не самой Судьбой ли
Для мудрого конца назначен строгий час?

За окнами – тоска. Сквозь бешеную твердь
Янтарный щит луны ползет, как черепаха,
И где-то далеко играют фуги Баха,
Тяжелые, как медь, и близкие, как смерть.
Я повернулся вдруг. И скрипнула кровать.
За ставней брызнул свет с оттенком изумруда.

О, малодушные, не верящие в чудо!
Глухая ночь близка – а чуду не бывать!

Южный огонек, № 6, 27 мая (9 июня) 1918

* * *

Опять возвращены глухие вечера,
И красный щит луны, и крепкий чай, и скука.
И то, что нравилось-то все еще вчера –
Сегодня кажется непревзойденной мукой.
И скучны Ливия забытые листки,
Не нравится вино, и дым табачный горек.
И утомительной отравленной тоски
Не в силах победить излюбленный историк.
Но все же сохранен пленительный уют
Давно забытого покинутого лона:
Ночные улицы, как встарь, меня зовут,
И ночь глубокая, как прежде, благосклонна.
И вот возвращены, возвращены, как встарь,
Часы излюбленные холостых прогулок,
И страстная луна наводит свой фонарь
На губы юноши, чей шаг ленив и гулок.
Южный огонек, № 8, 30 июня (13 июля) 1918

Чехов

Туманный день, пустынный и глухой,
Исполнен ядом сладкого бессилья.
По вашей коже, гладкой и сухой
Предсмертный зной свои развеял крылья.
Вы смотрите в открытое окно
И видите листву кустов осенних,
И кажется, что все обречено
Застыть навеки в сумеречных тенях.
Закат не виден. Тучи тяжелы.
И тополя под ними низко гнутся –
А где-то там, под сводом темной мглы,
Еще лучи сияющие льются.
И все ясней становится душе,
Что к вам в окно прощальный луч не брызнет,
И сумерки не радуют уже
Глаза, померкшие для этой жизни.

О, бледный Чехов! Строгая судьба
Уже сочла последние минуты:
И тонкая прокушена губа,
И легкие предсмертной болью вздуты.

Южный огонек, № 10, июль 1918

Карл 2-й Испанский

Отец погиб, империю расстроив.
Отец сгорел на травах и шелках.
Священное наследие героев
Лежит в моих опущенных руках.
В мои поты стремятся каравеллы,
Неся мне мускус, жемчуг и парчу,
И всех границ Всемирной Королевы
На карте я пером не очерчу.
Моя земля – от сонного Памира
До Мексики, лежащей в серебре.
Но тяжело быть владыкой полумира
И молча умереть в монастыре.
Я околдован. Здесь, в убогой келье, –
Распятия, монахи, образа...
Меня сожгло отравленное зелье,
И молча смерть глядит в мои глаза.
Мой стол неприхотлив и не обилен:
Стакан вина и получерствый хлеб,
По вечерам же я совсем бессилен,
Когда спускаюсь в мой старинный склеп.
Два факела. На полустертых плитах
К глазам испуганным прижав ладонь,
Читаю предков имена убитых,
Отравленных и брошенных в огонь.
Да, все мое – и тропики, и полюс!
Но вот – гробница. Ужас затая,
Читаю: *Nic sepultus est Carolus
Secundus Imperator.* Это – я.

Вдоль стен медлительно проходят тени,
Холодный пот уже скользит по лбу...
Одни лишь имена моих владений
Не уместились бы в моем гробу!
Проходят мимо предков вереницы,
И, как актер влюблен в свою игру,
Я вдруг целую прах своей гробницы –
И все-таки не верю, что умру!

Южный огонек, № 11, июль 1918

Автору пьесы

Пастелью ласковых грехов
Вы пьесу томную раскрасьте:
Немного слез, немного страсти,
Немного пудры и духов.

Холодной злобы взвесьте яд:
Кинжал, любовь и запах серный –
Пусть рифмы прыгают, как серны,
И очаруют весь театр.

Для героини – матинэ,
И поцелуй – у самой рампы.
И в этот миг пусть светят лампы
Чуть-чуть печальней и темней.
Сплетая тонких слов вуаль
Вы прикажите jeune premiere'у
Чтоб он последовал примеру,
Который дал ему Уайльд:

Монокль, гардения и «тон» –
Наивный зритель очарован.
Обворожен игрою он,
Ошеломлен и побежден.

И ваши очи, мой поэт,
Вдруг станут ярче и моложе,
И дама из соседней ложи
Вам бросит розовый букет.
И вы, цветок в петлицу вдев,
Уйдете в зареве огнистом,
Чтоб рассказать фельетонистам,
Как создавался ваш шедевр.

Фигаро, № 1, 8 (26) мая 1918

Бал разочарованных

Мотив для арлекинады

Сияют звезды. Небо, спрячь их!
К изведанному не зови!
Сегодня вечер пьян, как мальчик,
Вкусивший в первый раз любви.
Мы пьем вино, как вальс старинный.
Скользят мечты. И я – не с ней.
Пьеро грустны, но Арлекины
Еще печальней и грустней.
И ласковые кавалеры
Не говорят, что мир высок, –
Им снятся низкие галеры
И выстрел, брошенный в висок.
Мы – рыцари нежданной встречи
И неисполненной весны.
Мне странно слушать наши речи,
Развенчивающие сны.
Но ночь плывет, плывет и тает,
И люстра красная зажглась,
И Коломбина прикрывает
Ресницами жесткость глаз.
Что снится ей, рыжеволосой?

Не изумрудные края ль?
Пьеро с потухшей папиросой
Садится молча за рояль.
И ночь плывет. В глазах бессонных
Раскрыт глубокий водоем...
О, бал печальных прокаженных,
Разочарованных во всем!
Два лиловатые рубина
Упали с лампы. Миг изжит –
И плачущая Коломбина
Ломает пальцы и дрожит.

Фигаро, № 3, 9 (22) июня 1918

В кафе

За столиком в табачном дыме
Зову и жду, кого хочу.
Но кажется, что нет любимей,
Чем та, чье имя я черчу.

И нежность лживую рукою
Неверный водит карандаш...
Ты завтра вновь меня предашь
И насмеешься надо мною.

Зачем любовь моя срывает
Цветы, взращенные в тиши?
Из тихих омутов души
Уже неожиданное всплывает.

Я вспоминаю, что она
Умеет тонко красит губы,
Что сны ее – легки и грубы,
А речь – пуста и холодна.

Я вспоминаю красный рот.
И вот – любовь моя сгорает,
И отвращение растет,
И нежность взоры потупляет.

Уже сомненье надо мной
Проводит медленно рукою –
И вензель, вычерченный мною,
Залит кофейною струей.

Фигаро, № 4, 16 (29) июня 1918

Моя смерть

Я был любим, я был влюблен
И ничего не знал о смерти,
Когда склонился мертвый сон
Каймою черной на конверте.
Когда веселые друзья
Сказали мне, что я – безумен,
Тогда порвалась жизнь моя,
И я закрыл глаза – и умер.
Я был положен вдушный гроб
При криках звонких и веселых,
И помню, как на черный лоб
Упала прядь волос тяжелых.
И было сладко мне, что я
Уже закончил день последний,
И я не слушал, как друзья
Поспешно сочиняли сплетни.
Когда ж, наполнив кабинет,
Они заговорили громче,
Я вдруг услышал:
– Вот сонет,
Который он не мог закончить.

Тогда незрячие глаза
Сверкнули зеленью презренья,
И я, поднявшись, дописал
Посмертное стихотворенье.

Фигаро, № 6, 30 июня (13 июля) 1918

Сонет

Я смуглый принц в незримых кружевах,
Овеянный невидимым муаром.
Я прохожу по гулким тротуарам,
Мечтая о несозданных словах,
Я думаю о тайных божествах,
О том, что я пришел сюда не даром,
Покинув храм, отделанный карраром,
На сказочных далеких островах.
Мне весело бродить по переулкам
И отдаваться длительным прогулкам,
Прислушиваясь к спутанным речам,
Указывая взоры и улыбки...
Но иногда я плачу по ночам
И думаю о сделанной ошибке.

Фигаро, № 11, 4 (17) августа 1918

Над вселенной

Белы колонны Эллады. Римские тоги кровавы.
Желты рисунки Египта, и скифские земли черны.
В быстром потоке столетий, в лучах немеркнувшей славы
Вижу: в закатном свете четыре щита взнесены.

Белы колонны Эллады. Я вижу царственный мрамор,
Твердые мышцы атлетов, высокие лбы мудрецов...

Вижу я девушек стройных, идущих медленно к храмам,
Вижу богов спокойных в сиянии белых цветов.

Римские тоги кровавы. Закаты багряны и алы.
Злые безумья Нерона. Золото, пурпур и кровь...
Цезари пьяны от крови. Воины точат кинжалы.
Музыка в пламенном слове и в остром звоне клинков.

Желты рисунки Египта. Вонзились в лазурь обелиски.
Золото иероглифов, желтые звезды пустынь...
Странно изломаны тени, но сердцу мучительно близки
Очи закатных видений в залах мемфисских святынь.

Скифские земли черны, как черны грозовые туманы,
Что утомленно повисли над черною влагой морей.
Черно оружие скифов и черны глубокие раны,
Глуби нерадостных мифов ночи безлунной черней.

Злобная Лета бессильна сорвать роковые преграды,
Над изумленной вселенной четыре щита взнесены.
Римская алая тога, белое солнце Эллады,
Золото нильских чертогов и сумрачность скифской страны.
Публикуется впервые.

Рукопись сохранилась в архиве С. Кесельмана

Воскрешение бакалавра Луки Гиннарта

In nomeni Patri, et Fili, et Spiritu Santi

Здесь я, в миру бакалавр Лука Гиннарта, а ныне смиренный из смиренных слуг Господа, начинаю правдивую и нелицемерную повесть о чудесном обращении моем и предаю душу в руки патрона моего, св. Антония Падуанского. Да отвратит он лицо свое от меня, если хоть одно слово лишь вырвется из уст моих!

Небогат был отец мой, но, памятуя, что сказано в Св. Евангелии от Матфея «Царство небесное силой берется», решил он,

во всем отказывая себе, трудами рук своих дать мне образование, достойное моего происхождения, дабы мог я занять в жизни положение, мне подобающее. Легко и усердно учился я, избегая дурных товарищей, и часто заглядывая в Simulas Вильонандо, нежели в пустые стихи Джакомо Саннасаро. Скоро сбросил я с себя одежду св. Петра, присвоенную всем студентам, и, окончив университет в Барселоне, удостоился отличия быть записанным красными чернилами в длинном списке бакалавров.

Решивши подготовиться к испытанию за степень магистра логики, усердным занятиям преданся я. Многим полезен был мне благочестивый отец Сульниций, библиотекарь монастыря св. Иоанна. Благодаря его помощи и благосклонности имел я возможность пользоваться редкими списками и рукописями монастыря, содержащими как творения отцов Св. Церкви, так и светские писания авторов римских и эллинских.

Часто сходились мы с ним в библиотеке у статуи Св. Марии Каппадокийской, покрытой пурпуровой золотом вышитой мантией, и поучительные вели и назидательные беседы. О деяниях св. епископа Гурпина рассуждали мы, о 12 пэрах, им описанных, о мучениях св. Себастьяна. И ничего не было для меня драгоценнее бесед этих, которым не мешали скрип пера благочестивых монахов, прилежно переписывавших книги в уединенной тишине монастырской библиотеки.

Но силен враг человеческий, и часто внушает он нам искушения непреодолимые. Однажды, в день св. Эрмандады, устав после усиленных занятий, тело и душу изнуряющих, решил я прогуляться по шумным улицам города Барцелоны. Медленно идя и размышляя о скрытом смысле стиха Овидия *Est Deus in nobis, agitante calescimus illo* (Есть ли в нас Бог, которым мы горим. – Ovidius, *Faith VI*), не заметил я, как сильный порыв ветра сорвал берет с моей головы. И лишь услышав чей-то звонкий смех над собой, очнулся и, подняв голову, увидел на балконе, увитом цветами, девушку красоты необычайной, игравшей с обезьяной, привязанной к решетке, как это было в обычае у богатых граждан Барцелоны. С презрением взглянув на нее, решил я продолжать путь мой, но дуэнья, неожиданно подошедшая ко мне и посланная незнакомкой, прервала размышления мои и пригласила

подняться наверх, заявив, что госпожа ее жаждет познакомиться со мной и излить на меня неутоленный трепет любви своей. Будучи юным и неопытным, без особенных колебаний последовал я приглашению.

Вблизи Лела Делагос (как позже узнал я, отец ее был мавр) еще прекраснее казалась. Скоро уже, уйдя с балкона в комнаты, лежали мы с ней рядом на ковре, и она, обнажив тело мое, осторожными прикосновениями с искусством, от дьявола внушенным, разжигала страстные желания во мне, еще не знавшем женщины.

Но каждый раз, когда пытался я неумело овладеть ею, ловко уклонялась она, и звенели золотые подвески, поддерживающие ее груди, ибо к тому времени она сбросила шаль и осталась полуобнаженной, к вящему соблазну моего еще неопытного духа. Наконец, видя, что я в отчаянии и готов заплакать от невозможности утолить желание мое, сказала она:

– Если ты хочешь меня – принеси мне покрывало Св. Марии Каппадокийской из монастыря св. Иоанна. А теперь – уходи.

Послушно вышел я, и, придя домой, сел за книги. Но не мог заниматься я, ибо чудесный образ красавицы не выходил из головы моей. А сказал Гиппократ: *Quando caput dolet – caetera membra dolet* – когда болит голова, и остальные члены болят. Тщетно твердил я: *Fugite partes adversae* – мысль о похищении покрывала все более и более овладевала мною, ибо тело мое было молодо и здорово и требовало женщины, а прекраснее Лелы не видал я никого.

И когда решился я, и избрал для этого ночь перед Св. Воскресением Христовым, зная, что все братья будут на заутрени, и о преступлении, мною совершенном, никто не узнает. Слишком рано пришел я в библиотеку и решил скоротать время за чтением. Наугад раскрыл я Библию и прочел там из книги Иова: *Post tenebras spero lucem*. Долго размышлял я над этим изречением и не постиг, нечестивый, тайных желаний Господа, от святотатства меня удерживавшего. Между тем все монахи сошлись в капелле, и я остался один. Тогда, сразу решившись, дерзко протянул я руку к святому покрывалу. Но внезапно резкий и отвратительный запах проник в мои ноздри и наполнил всего меня содроганием и омерзением. Поднял глаза – ибо прежде отвер-

нул я голову, в лицо Св. Марии глядеть не смея, – увидел я, что кощунственная рука моя покрылась смрадными язвами и струпьями, сильное зловоние издававшими. И гневно было лицо Св. Марии. И слыша издалека радостное пение братьев, славивших Св. Христово Воскресение, раскаявшись, упал я без сил к подножию статуи.

Но милостив был Бог ко мне, и помиловал Он меня, и слугою Своим быть допустил. И ныне я, смиренный Антоний из монастыря св. Иоанна, кончаю мой правдивый и нелюбимый рассказ о чудесном воскресении моем.

Dixi et animam levavi.

Да будет мир над тобою, прочитавшем повесть мою!

Южный огонек, № 22, (9) апреля 1918, пасхальный номер

Публикация Алены Яворской

